

©1994г.

Р. МИЛЛС

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО*

Для социального ученого, чувствующего себя принадлежащим к классической традиции, социальная наука — своего рода ремесленная практика. Решая какие-то серьезные проблемы он буквально утомляется от осмысления метода и теории в целом, поскольку те нарушают ритм его исследования. Он убежден, что гораздо лучше «снять кружева» с того, как реально работает полевой исследователь, чем слушать мудрые советы специалиста по методам и методологии, никогда не имевшего дело с живой практикой. Истинное понимание метода и теории можно почерпнуть лишь из беседы опытного поисковика с новичком, рассказывающего, что и как он делает в действительности. И я чувствую потребность поделиться с читателем секретами своего мастерства. Разумеется, опыт субъективен, но надеюсь, он перестанет быть таковым, когда перемножится и подтвердится опытом других.

Напомню, мой юный читатель, что у мыслителей, которых вы с таким восхищением почитаете, жизнь и работа не были разделены. Они очень серьезно относились к их взаимопроникновению, позволяя обогащать друг друга. Хотя, конечно же, у простых людей жизнь и работа разделены. Тебе же еще предстоит убедиться, что обладаешь исключительной возможностью так планировать свой жизненный путь, что он окажется надежной опорой творчеству. Ученость — выбор того, как жить, и одновременно это выбор карьеры. Известно ли вам, что интеллектуальный человек формирует себя по мере и одновременно с тем, как он совершенствуется в мастерстве? Чтобы реализовать свой потенциал и осуществить те возможности, которые подбрасывает ему судьба, ученый конструирует собственный характер, являющийся сердцевиной его лучших качеств как профессионала.

Что это значит, вы узнаете, применяя жизненный опыт в своей научной работе: постоянно испытывая и интерпретируя его. В этом смысле мастерство есть центр и средоточие личности. Вы должны быть лично вовлечены в тот интеллектуальный продукт, который рождается у вас. Сказать «быть опытным», означает лишь то, что ваше прошлое инициирует настоящее и определяет будущее. Будучи социальным ученым, вы должны сами контролировать тонкое взаимодействие жизни и работы. Как это лучше сделать? Надо завести журнал для регистрации. Многие творческие люди имели журналы: деятельность социолога требует систематической рефлексии.

В таком журнале надо описывать переплетение личного опыта и профессиональных секретов — реальный и планируемый ход исследований. Не бойтесь использовать жизненный опыт в интеллектуальной деятельности. Избавляя от повторений, журнал экономит силы. Кроме того, он поможет фиксировать мимолетные идеи, подсказанные текущими событиями, обрывки уличных разговоров и даже фантазии. Будучи однажды зафиксированным, все это научит систематическому мышлению, которое, в свою очередь, поможет глубже понять жизнь.

Наверное вам доводилось видеть, как лучшие умы заботливо возвращают свой разум, тщательно наблюдая стадии роста и организуя свой жизненный опыт. На протяжении всей жизни они по зернышку откладывают в сокровищницу знаний даже незначительные детали жизненного опыта. У современного человека очень невелик личный опыт, потому он особенно ценен как источник оригинальных идей. Больше доверяйте ему.

* Сокращенный перевод по: *Milles Ch.W. The sociological Imagination. N.Y., 1959. P. 195—226.*

Журнал поможет вам лучше, глубже разобраться во внутреннем мире. Не оставляйте без внимания никакие события или идеи. Четко формулируйте их, что поможет сделать правильные выводы. Кроме того, журнал поможет вам в искусстве написания чего-либо. Поступайте так каждую неделю. Журнал вы можете превратить в писательский полигон, постоянно развивая талант самовыражения. Не стесняйтесь переписывать неудачно сформулированные фрагменты. Ученые часто обмениваются своими записями, которые помогают точнее сформулировать обсуждаемую проблематику.

Три промежуточных эпизода интеллектуальной работы — проблемы, методы, теория — должны быть постоянно в центре внимания социального ученого как естественные, а не искусственные продукты деятельности. Они должны возникать по ходу работы и служить ее руководящим началом.

Среди тем журнала должны быть идеи, личные наблюдения, выдержки из книг, биографические заметки и наброски исследовательских проектов. По мере вашего интеллектуального взросления появятся новые категории записи, старые будут пересмотрены и заменены. Эволюция записей — несомненный индекс интеллектуального роста ученого.

Читая книги, кодируйте жизненный опыт в четкие формулировки. Это обогатит и позволит лучше осознать собственный опыт, лучше понять написанное. Перечитывая книгу заново, постарайтесь схватить структуру аргументации автора. Позже вам не придется читать книгу полностью, вы удовлетворитесь лишь фрагментами, которые соответствуют целям вашего исследовательского проекта. Вы станете использовать только конкретные идеи и частные факты.

Хорошая работа в социальной науке сегодня не может строиться только на эмпирическом исследовании. Она обобщает данные множества исследований, из которых извлекаются ключевые выводы по теме. Однако пока данные таких исследований находятся в работе и центральные гипотезы не проверены, очень трудно решить, что является ключевым выводом.

Когда я готовил исследование элиты, обнаружилось три типа «строительных блоков»: некоторые теории, соответствующие моей теме; материалы, использованные их авторами; другие материалы, классифицированные и обобщенные учеными, но не обязательно подходящие точно под теоретическую канву моего исследования. Если говорить конкретно, то я опирался на идеи Моски, Шумпетера, Веблена, Маркса, Михельса, Вебера и Парето.

Я проиллюстрирую, как делать ключевые выводы на примере своих выписок в журнале из сочинений Моски. Собрав кучу материалов, в том числе исторических анекдотов, Моска приходит к строгому умозаключению: в любой организации власть осуществляет меньшинство, которое правит неорганизованным большинством. Я построил шкалу из четырех возможных вариантов (не все они рассмотрены Москвой): 1) организованное меньшинство, 2) организованное большинство, 3) неорганизованное меньшинство, 4) неорганизованное большинство. Первым делом надо выяснить, что означает слово «организованное». Как мне показалось, Моска подразумевал следующее: способность проводить более или менее постоянную и координированную политику. Если это так, то его тезис верен по определению. Моска мог бы еще добавить: «организованное большинство» невозможно, потому что из него обязательно выделяются лидеры и элита, которые сформируют «организованное меньшинство».

Один из ключевых выводов формировался мною так: с XIX по XX век общество смещалось от типов 1 и 4 к типам 3 и 2 на моей шкале. Мы эволюционировали от элитарного к организованному государству, в котором элита уже не так организована и не обладает такой властью, как прежде, зато массы стали более организованными и полновластными.

Моска сделал еще один блестящий вывод, требующий дальнейшей проработки: в «правлящем классе» существуют первый (высший) эшелон и второй эшелон, с которым: а) высшая клика поддерживает, прямые и длительные контакты, б) разделяет общие идеи, а следовательно, и общую политику.

Последующий анализ, сделанный мною с привлечением дополнительного материала, выявил сложную структуру элиты, ее множественность: она распадается как минимум на тех, кто имеет формальные звания, и на тех, кто реально правит в обществе. Сегодня в системе власти США можно выделить более чем одну элиту. В плане эмпирического исследования возникает интересный замысел: выбрать 3—4 ключевых решения, например, запрет ядерных испытаний или сокращение помощи сталелитейной промышленности, установить, кто персонально их принимает и проинтервьюировать их.

Я не люблю эмпирическую работу и когда можно, избегаю ее. Большая часть эмпирических исследований — всего лишь формальные упражнения для начинающих ученых. Они полезны для тех, кто не способен к решению серьезных социальных проблем. От их проведения пользы не больше, чем от их чтения. Предназначение эмпирического исследования — проверить факты, на которых строится система аргументов, со всех сторон раскрывающих проблему. Но факты дисциплинируют разум. Эмпирическое исследование помогает открыть новые факты, дает новый поворот решению проблемы. Нелепо планировать полевое исследование, если ответ можно найти в библиотеке.

Эмпирическое исследование дает лишь первый набросок того, что я впоследствии напишу. Оно служит исходной базой для теоретических выводов и конструирования. Проект исследования должен быть грамотным, кратким и изобретательным. Это означает, что в небольшой объем затрачиваемых времени и усилий должен укладываться большой объем получаемых результатов.

Как этого добиться? Наиболее экономичен путь, при котором вы ставите такую проблему, значительную часть которой можно решить, рассуждая или изучая только ее одну. Рассуждая, мы стремимся: а) рассматривать по отдельности каждый фактологический вопрос, б) задавать их таким образом, чтобы ответы помогли нам решать последующие теоретические проблемы.

Можно выделить четыре следующие фазы решения проблемы: 1) выделение основных элементов и дефиниций темы исследования; 2) установление логических отношений между элементами и дефинициями; 3) устранение ложных утверждений, проистекающих из пропуска важных элементов, неподходящих и неясных дефиниций терминов; 4) формулирование и переформулирование фактологических вопросов. Приведу фрагмент из своего журнала, где коротко описываются обозначенные фазы составления исследовательского проекта.

«Я не готов еще к систематическому и эмпирическому изучению высших слоев общества. То, к чему я сейчас готов, заключается в выборе некоторых дефиниций и процедур, помогающих оформить план моего исследования. Первый шаг: я собираю наличный материал к плану. Второй: осмысляю наилучшие методы сбора материала, позволяющего сделать ключевые выводы. Третий: разрабатываю программу эмпирического исследования.

Высшие слои общества должны быть определены в терминах переменных. Формально (так делал Парето) это люди, имеющие в своем распоряжении наибольшую часть созданных обществом ценностей и благ. Дальше я принимаю два решения: какие переменные я беру в качестве критериев и что я понимаю под "наибольшей частью"? Решив вопрос с переменными, я конструирую оптимальные индексы, по возможности количественные, чтобы распределять в соответствии с ними население. Лишь после этого я устанавливаю, что означает "наибольшая часть". Обычно она находится эмпирическим путем, расчетом количественных определений.

Ключевые переменные сформулированы достаточно широко, чтобы предоставить мне свободу действий при выборе индексов, и в то же время достаточно узко, чтобы оставить возможность для построения точных эмпирических индексов. Продвигаясь вперед, я постоянно вращаюсь между понятиями и индексами, руководствуясь желанием не потерять некоторые значения. Приведу четыре веберовские переменные, с которых я начинал:

1. *Класс* относится к источникам и размерам дохода. Стало быть, мне нужна информация о распределении собственности и доходов. Идеальный материал (редкий и, к сожалению, вышедший из употребления) — перекрестные таблицы источников дохода и размеры годового дохода. К примеру, мы знаем, что X процентов населения получило в 1936 г. Y миллионов долларов, что Z процентов этих денег имеют своим источником собственность, W процентов — предпринимательскую деятельность, R процентов — заработную плату и жалование. Имея на руках подобные измерения класса, я отнес к высшим слоям общества тех, кто распоряжается наибольшей частью, т.е. тех, кто получает данный размер доходов в течение данного периода времени, или тех, кто состоит в числе двух процентов, занимающих высшую ступеньку пирамиды доходов. Они определяются, в частности, по списку главных налогоплательщиков.

2. *Статус* относится к различию в получаемых доходах. Здесь нет простых количественных индексов. Применение уже существующих индексов требует проведения личных интервью, ограничено уровнем местных общин. В отличие от класса, статус базируется на социальных отношениях.

3. Власть обозначает реализацию воли одного вопреки сопротивлению других. Как и статус, власть не измеряется индексом. Она может подразумевать две вещи: а) формальную власть, определяемую объемом прав и полномочий какой-либо позиции (должности) в военных, политических и экономических институтах; б) неформальную власть, которой обладают, к примеру, группы давления.

4. Занятие относится к оплачиваемой работе. Как и раньше, многое зависит от того, какие элементы переменной будут учитываться. Если я использую средний доход по разным профессиям и ранжирую их, то тем самым самым оперирую занятием как индексом, и следовательно, как основой для определения класса. Если я использую статус (или власть), которым обладают типичные представители различных профессий, последние применяются мною как индикаторы квалификации, навыков. Иначе говоря мы классифицируем людей. Квалификация, или навыки так же, как статус, не является гомогенной характеристикой, измеряемой в терминах "больше—меньше", хотя часто ее определяют в терминах продолжительности обучения, требуемого для выполнения данной работы.

Таковы четыре ключевые переменные, которые я использовал в анализе высших слоев общества. Распределив население, я получил четыре группы людей, они занимали высшие позиции по каждой переменной: классу, статусу, власти, навыкам (квалификации). Выделив два процента в каждой группе, я получил высший слой общества. После чего мне пришлось ответить на вопрос: какая часть населения окажется на пересечении четырех групп? Ответ я получил при помощи простой диаграммы, где "+" обозначал высшие два процента, а "-" низшие 98% населения.

Класс	+		-	
	статус		власть	
Власть	+	-	+	-
+ навыки	+1	2	3	4
	-5	6	7	8
- навыки	+9	10	11	12
	-13	14	15	16

Такая диаграмма, если бы у меня был материал, чтобы заполнить ее, окажет незаменимую услугу при решении проблемы изучения высших слоев. Но у меня нет данных, поэтому приходится ограничиваться ею как теоретической моделью.

Для своего логического завершения модель нуждается в уточнении терминов "продолжительность" и "мобильность", применяемых при описании высших страт. Задача состоит в определении позиций (1—16), между которыми наблюдается перемещение индивидов и групп — внутри нынешнего поколения и среди двух—трех ближайших поколений.

Благодаря подобному приему в исходную модель проникает временное измерение биографии (или линии карьеры) и истории. Это не только эмпирический, но и дефиниционный вопрос. Во-первых, мы проверяем, можно ли включить в те четыре переменные, благодаря которым мы распределили население (класс, статус, власть, навыки), продолжительность профессиональной карьеры индивидов или целых семей. К примеру, эмпирическим путем мы можем установить, на протяжении скольких поколений (одного, двух или трех) формировался высший статусный слой. Во-вторых, я узнаю, каким образом мне лучше всего определить понятие страты — как пересечение четырех переменных или как некую промежуточную позицию, образованную теми позициями, между которыми, выражаясь словами Вебера, наблюдается "типичная и легкодоступная мобильность". Например, общую страту в ряде отраслей составляют, казалось бы, разные люди: высокооплачиваемые среднеквалифицированные и неквалифицированные рабочие.»

В процессе знакомства и анализа чужих теорий, составления идеального исследования, внимательного чтения журнала вы можете начинать готовить список конкретных исследований. Одни из них перерастут в крупномасштабное мероприятие, никогда не увидевшее завершения, другие дадут материал для параграфа, статьи, короткого вывода, третьи снабдят вас идеями, которых хватит на целую книгу. Еще раз сошлюсь на собственные заметки в журнале.

«1. Анализ бюджетов времени типичного рабочего дня десяти руководителей высшего эшелона в крупных корпорациях и десяти федеральных чиновников. Наблюдения за ними можно было бы соединить с детализированным интервью на тему "Истории жизни"...

2. Анализ того, как проводят свой уикенд представители правящего класса. Его можно построить на данных непосредственного наблюдения поведения людей и зондажного опроса членов семьи в последующий за уикендом понедельник. Для этого я должен установить хорошие контакты с объектами исследования (Дополнение от 1957 г.: это оказалось иллюзией).

...5. Собрать и систематизировать данные государственных финансовых органов, показывающих распределение различных типов частных собственников.

6. Исследование линии карьеры президентов, всех членов кабинета и всех членов Верховного Суда. Данные о тех, кто жил в эпоху Трумэна, заведены в ЭВМ. Но я хочу расширить картотеку и повторить анализ заново.»

Кроме них у меня было еще 35 «проектов» такого рода (в частности, сравнение денежных расходов на президентские выборы 1896 и 1952 гг.). После того, как были записаны эти «проекты», я читал исторические работы о высших слоях общества, делал кое-какие записи (не обязательно в журнале) и интерпретировал прочитанное. В период работы над темой исследования вы буквально пропитаны ею и черпаете информацию о ней из всех, на первый взгляд, далеких источников: ночных радиопередач, иллюстрированных журналов, дешевых, романов.

Источником хороших идей выступает то, что я называю социологическим воображением. Оно состоит в умении переключать внимание с одной перспективы на другую, строить адекватный подход к пониманию общества в целом и его компонентов. Таково отличие социального ученого от технического специалиста, которого можно выучить за несколько лет. Социологическое воображение надо культивировать. Его сущность в комбинации идей, о которых вряд ли кто может подумать, что их можно соединить.

Существует несколько способов стимулирования социологического воображения. На конкретном уровне — перегруппировка записей в журнале, в результате чего выявляются скрытые связи явлений. Второй способ — «игра в слова». Можно, например, рассмотреть все синонимы к ключевым понятиям по словарям с целью обнаружить дополнительный смысл. Это позволит более точно и строго определить термины. Синонимизация сослужит добрую службу при операционализации — переводе общих понятий в конкретные. Когда одно утверждение распадается на два или три компонента, каждый из них описывает одно измерение переменной. Третий способ — составление классификаций и типологий. Воображение развивается при поиске новых типов, общих черт и критериев, их объединяющих. Графики, модели, таблицы, диаграммы не просто иллюстрируют уже известные знания, но служат инструментом разработки нового знания. Оно появляется и в тех случаях, когда словесное описание вы заменяете графическим. В результате выделяются новые связи и структуры. Вы начинаете мыслить точнее и проще.

Четвертый способ заключается в придумывании противоположного тому, о чем вы мыслите. Если вы думаете о развитии, то подумайте и о стагнации. Такой прием позволит полнее охватить материал и подобрать переменные в сравнимом масштабе. Конструирование двух полярных полюсов логически ограничивает круг искомых явлений некоторым континуумом, что помогает точнее сформулировать предмет исследования. Рассматривая одно явление под разными или противоположными углами — социологическим, психологическим или политическим, вы более объективно и всесторонне схватываете изучаемый процесс. В связи с этим очень полезно составлять диалоги.

Еще один способ — сравнение явлений. Изучая социальные институты современной Америки, сравните их с аналогичными институтами прошлого и позапрошлого веков. Придется глубже окунуться в исторический материал, но такое погружение необходимо социологу как воздух. В заключение надо сказать несколько слов о последнем способе — форме изложения материала.

Надо различать тему (theme) и замысел (topic) сочинения. Тема — это предмет разговора, например, «карьера руководителей корпорации», «увеличение власти военных» или «сокращение числа домохозяек». То, что вы хотите сказать о теме, уместается в главу или в ее часть, но последовательность тем создает замысел, для изложения которого требуется больше места. Замысел — это идея, направление, главная концепция или ключевая дилемма, например, рациональности и разума.

В хорошей книге с замыслом автор знакомит читателя либо вначале, либо в конце. Замыслом писатели называют то, что ученые именуют идеей. В одной книге их может быть несколько. Но встречаются книги вообще без всякого замысла. Они представляют собой

нанизанные друг на друга темы, скажем, по методологии или теории. Об их авторе можно заключить, что это человек без идеи. Ему не хватает интеллигентности.

Думаю, мой читатель согласится, что он должен излагать свою работу языком настолько ясным и простым, насколько это позволяет предмет изучения и его мышление. Но, как он, возможно, заметил, в социальных науках преобладает полисиллабический стиль. Я полагаю, что те, кто использует его, тем не менее верят, что имитируют «физическую науку», не осознавая, что подобный стиль здесь не нужен. Тяжеловесный язык возникает из-за необходимости обсуждать методологию, уточнять понятия и методы. Другая причина — неправильное представление о том, что такое академический образ ученого.

В академических кругах тех, кто стремится излагать свои мысли изящно и ясно, презрительно называют «литератор» или «журналист». Академический ученый, разделяющий бытующие в его среде стереотипы, не может думать иначе. Его карьера и престиж зависят от степени согласия с ними. Получив кличку «журналист», ученый чувствует, что к нему относятся иначе — как к человеку недостойному, поверхностному. Ему приходится усваивать искусственный язык и тяжеловесную манеру говорить как пропуск в закрытое сообщество академических ученых.

На самом деле писать означает претендовать на внимание читателя. Часто авторы задают себе вопрос: кто я такой и вправе ли я требовать внимания других? Стало быть, писать означает еще и определенную уверенность в своем положении, статусе. В Америке даже самые известные в области научных знаний люди не обладают высоким статусом у публики. Социология не является исключением. Социологический стиль сформировался в тот период, когда эта наука пользовалась наименьшим уважением даже среди академических дисциплин. Создается порочный круг — низкий статус формирует дурной стиль, а тот, в свою очередь, мешает повысить социологии свой статус в глазах общественности, — который можно разорвать только на индивидуальном уровне.

Для того чтобы преодолеть академическую *прозу*, вам надо прежде всего преодолеть академическую *позу*. Куда менее важно овладеть грамматикой и англосаксонским диалектом, нежели ответить на три простых вопроса: насколько сложна в действительности моя область? какой статус я желаю себе, когда пишу? для кого я пишу?

Ответ на первый вопрос состоит в следующем: ваша область не настолько сложна по сравнению с той формой, в какой вы ее описываете. Доказательства кроются в той простоте, с какой можно перевести 95% монографий по общественным наукам на простой и ясный английский язык.

Но можно ли так поступить с техническими терминами, спросите вы? Конечно, можно, ведь «техническое» не означает трудное и не является частью жаргона. Если технические термины нужны, если они к тому же ясные и точные, то их использование в контексте понятного английского языка не столь затруднительно. А математические термины позволяют выражать мысль еще более точно и экономно. Именно поэтому я с подозрением отношусь к тем, кто перенасыщает социальные исследования математикой, но прозой пишет неточно, неэкономно, неясно. Им бы следовало поучиться у Пауля Лазарфельда, который верил в силу математики и одновременно математически изящно формулировал свои мысли. Когда я не понимаю его математику, я виню во всем свое невежество. Когда я не согласен с тем, что он пишет не математическим языком, я чувствую, что он ошибается.

Мне могут возразить, что понятия обыденного языка «нагружены» чувствами и оценками, поэтому их лучше избегать, предпочитая новые слова или технические термины.

На это я бы сказал: многие технические термины, использованные в социальных науках, также нагружены. Писать ясно, значит контролировать такую нагрузку, иначе говоря, точно определить, какой смысл вкладывается в данное понятие, и этот, только этот смысл сделать доступным пониманию других людей.

Отвечая на второй вопрос, мы должны развести два способа изложения материала — глубоко личный и обезличенный, имперсональный. Первый присущ писателям, второй — ученым. Я уверен, что если в тексте нет воображения, присущего живой человеческой речи, это плохой текст. Ответ на третий вопрос не совсем прост. Граница между цветистым многословием и глубоким содержанием речи весьма относительна. Ученый всегда должен помнить, что он пишет не для одного себя, а для аудитории. Он должен заинтересовать ее. Являясь членом академического сообщества, социолог не должен забывать, что он еще и представитель великой языковой культуры.

Один из важных моментов интеллектуального мастерства — взаимозаменяемость писания и размышления. Если вы пишете только с оглядкой на «контекст открытия» (выражение Ганса Рейхенбаха), вас поймут немногие. Более того, вы будете склонны к субъективности в суждениях. Чтобы стать более объективным, надо работать с оглядкой на «контекст обоснования»: прежде всего вы «представляете» свои мысли самому себе. Это называют «ясно мыслить». Когда вы почувствовали, что привели мысли в надлежащий порядок, можете представить их другим, даже обнаружив, что их можно сделать еще более ясными. Иногда вы замечаете, что как только представляете свои мысли, вы изменяете их — не только по форме, но и по содержанию. Таким образом, по мере работы над «контекстом обоснования» возникают новые идеи. Короче говоря, складывается новый «контекст открытия», отличающийся от исходного и состоящий на более высоком уровне. Он социально более объективен. То, как вы думаете, уже трудно отличить от того, как вы пишете.

Попробую суммировать то, что я сказал, в нескольких наставлениях молодым коллегам.

1. Стремитесь быть мастером своего дела. Избегайте жестких исследовательских процедур. Старайтесь развивать в себе социологическое воображение. Избегайте фетишизма метода и техники. Своим творчеством защищайте права естественного, без высокомерных претензий, ремесла. Побуждайте каждого человека быть методологом для самого себя, своим собственным теоретиком. Старайтесь превратить теорию и метод в органичную часть своей практики. Стремитесь к научной самостоятельности и избегайте диктата над собой технических специалистов.

2. Бойтесь разногласия понятий и пустого многословия. Приучайте себя и других к простым и ясным суждениям. Используйте сложные термины только в тех случаях, когда вы твердо уверены, что они улучшат вашу ментальную восприимчивость, точность цитирования, углубят аргументацию. Неразборчивость в средствах выражения — это способ, каким вам навязывают себя оценочные суждения читателей.

3. Шире пользуйтесь трансторическими конструкциями, если они принесут пользу вашей работе: ройтесь в исторических подробностях проблемы. Стройте такие формализованные теории и модели, какие у вас получатся. Исследуйте в деталях даже самые незначительные факты и их связи, а также крупные и уникальные явления. Постоянно соотносите их с исторической реальностью. Формулируйте свою проблему в таких терминах. Связывайте воедино личные заботы и общественные проблемы. И никогда не пишите более трех страниц без того, чтобы не иметь «в уме» хотя бы один твердый факт.

4. Не изучайте мелкие фрагменты друг за другом. Схватывайте социальную структуру в целом, частями которой они выступают. В терминах крупной структуры отберите нужные вам фрагменты, а затем исследуйте их в 6 деталях. Не оставайтесь только журналистом. Конечно, журнализм — увлекательное интеллектуальное предприятие, но помните, что вы должны быть выше этого. Не стремитесь немедленно публиковать результаты мимолетных исследований, облаченных в статистическую форму. Мыслите масштабами человеческой истории, вкрапляя в нее, как в раму, недели, года и эпохи, которые вы изучаете.

5. Помните, что главная ваша цель — сравнительное познание когда-либо существовавших и существующих ныне в мировой истории социальных структур. Подразумевая это, старайтесь избегать узкой академической специализации, особенно если она произвольная. Систематизация должна быть разнообразной, в соответствии с интересующими вас темами и значимыми проблемами. Формулируя и пытаясь разрешить такие проблемы, не надо колебаться. Конструируйте свое исследование, подходите к выбору методов и идей с выдумкой. Ваше исследование — часть того, частью чего вы сами являетесь. Оно не должно быть частью того, что навязывают вам непонятный научный жаргон и неограниченные претензии экспертов.

6. Всегда держите глаза открытыми образу человека, благодаря чему ваша работа приобретет какую-то ценность для людей, а также образу истории, т.е. вашему представлению о том, как она совершается. Иначе говоря, формируйте и совершенствуйте широкий взгляд на исторические проблемы, проблемы биографии и социальной структуры, в которой пересекаются история и биография. Откройте свой взор разнообразию человеческих индивидуальностей и образам эпохальных изменений. Используйте то, что вы увидите и что предстанет вашему воображению, — это ключ к изучению богатства человеческой природы.

7. Помните, что вы продолжаете традицию классического социального анализа, поэтому воспринимайте человека не в качестве изолированного фрагмента реальности, а как действующее лицо на социальной и исторической сцене.

8. Не позволяйте общественным проблемам, как они официально сформулированы, и личным заботам, как вы их сами чувствуете, определять то, что вы собираетесь изучать. Знайте, что личные заботы не всегда решаются сами по себе, их надо переинтерпретировать в терминах общественных проблем и исторических событий. Проблемы социальной науки, если они правильно сформулированы, должны включать как личные заботы, так и общественные вопросы, т.е. биографию и историю. На этом и основывается социологическое воображение.

Перевод с английского АИ. КРАВЧЕНКО